

Андрей Мансветов

Купи кирпич

Андрей Александрович Мансветов. Поэт, публицист, театральный деятель. Родился в порту Ванино на Дальнем Востоке в 1975 г. Детство и юность провёл в Перми. Окончил художественное училище. Служил на Северном Кавказе, работал внештатным и штатным корреспондентом СМИ, врачом. Первая публикация в журнале «Пионер» в 1990 году. Автор поэтических книг «Фантомные боли», «Туки-луки за себя», «Дюралевые ласточки» и «Инструкция по применению родины», магнитоальбома песен «Колесо» (1999). С 2003 года постоянный участник «Российского фестиваля верлибра» (Москва, Санкт-Петербург). Член жюри и ведущий ряда региональных и федеральных литературных и литературно-музыкальных фестивалей. Живёт в Перми.

* * *

купи слона, и слон тебя простит
пойдет ушами улицу мести
пустую улицу от церкви до темна
и дальше на восток
купи слона

купи кирпич, а чебурашкин дом
достроим вместе как-нибудь потом
не верь, не расслабляйся и не спи
кирпич купи

купи кота в мешке и сам мешок
по акции стиральный порошок
стирающий года и имена
но раньше этого всего
купи слона

* * *

непереносимость сора в квартире
с каждым годом всё реже

любимая цифра – четыре
лошади на манеже

по кругу, по кругу, выше
туда, за галёрку, под купол
под белого неба крышу
откуда не так глупо

откуда не так заметны
потертости на обоях
прошлое разноцветно
особенно, если двое

один – это много после
и дальше уже без счёта
сидеть на лавочке возле
не раскрывая блокнота

из цикла «письма Петрушкину»

а ты ведь тоже вроде был таков
я, в смысле, жив, и здесь, без дураков
цитата как ни более уместна
у места, где сношается Урал
с самим собой, столпы кричат ура
а мы молчим, мы сами-то из местных

с других имён начну мартиролог
молчком, тишком, в ползвука, между строк
им здесь, им траур под ногтями в тему
когда плеснут в Кыштыме караси
молись, крестись, спаси его, спаси
а мы молчим, а это фрески немые

отдать за фук голимого ферзя
без рук легко, а без друзей нельзя
они уходят, остаются бреша
послушай, бред к такому привыкать
и строчными идёт имён строка
а мы молчим, мы косточки черешен

в таком году созревших раньше гроз
держи ответ, оставь себе вопрос
в песок и кремь, на лопату глыбче
у места, где есть функция когда
к нам из степей доносится орда
а мы молчим на этот новый вычет

Исход

Ордена Трудового Красного
и прочих наград
победитель социалистического
и прочих – завод
вышел в едином порыве
на всенародный парад
и с тех пор куда-то
без остановки идет

транспаранты сжимают
мозолистые кулаки
рты распялены песней
устремлены глаза
в светлое послезавтра
позорные вы волки
только посмейте против
что-нибудь нам сказать

части не победившие
ни в единой войне
носители мирного атома
заместо сердца в груди
печатают по брусчатке
и их не волнует, нет
что это уже прошлое
значит и им уходить

тащится по тротуарам
радостная толпа
теряет шарики в небо
ролики об асфальт

шарашат аудиосистемы
трам, тара-рам, пам-пам
лишь тени в опрятном штатском
продолжают мелькать

продолжают считать
чистить скрижали стен
тащат по венам города
многоголовый ток
дробится, множится эхо
полицейских сирен
и уходят столыпинские
по ночам на восток

светлое послезавтра
поставленное на поток
в каждую дверь стучатся
разносчики календарей
единение и согласие
сцепленные в замок
оставляют следы
на запястьях людей

море не расступается
не расступится никогда
молча уходим в волны
в колонну по одному
и на груди у каждого
матерчатая звезда
не то по национальному
не то никак не пойму

Гомер 2.0.

Дописал последнюю главу Одиссеи
вынес мусор, сходил за хлебом и сигаретами
дописал последнюю главу Одиссеи

С каждым выходом в город, мир меньше
возвращается невод с тиной морскою
дописал последнюю главу Одиссеи

Летов, Кобэйн, Кукин, Визбор, Реквием Моцарта
ах, мой милый Августин, Августин, А...
дописал последнюю главу Одиссеи

Военторг, булочная, филателия, сберкасса
стена неработающих фонтанов, театр кукол
дописал последнюю главу Одиссеи

Пионерскую площадку забыл, там еще такой
стальной колпак посередине, костёр как бы
дописал последнюю главу Одиссеи

Сходил за хлебом и сигаретами, вынес мусор
во дворе рабочие пилят ветви, не дают тополям
дотянуться до неба

А мне до Итаки

на Итаку

пальцами, пальцами, только ими
можно вылепить время, имя
ими по улице за трамваем
взглядом скользить по стеклу
знаешь, стоит бы стать большими
быстро и навсегда большими
даже быстрее, чем забываем
тетиву и стрелу

это того костяного стука –
пусть женихи не натянут лука
кончится пряжа, посохнет море
Шлиман почит в бозе
только в отчаянной, в рукопашной

выдрать у бога сюжет вчерашний
чтобы ни памяти, ни историй
радио и газет

чтобы героям новейшей Трои
вычистить лики не пастой гои
словом, а то и двумя словами
злыми, как жернова
на Каторжанке от пришлых тесно
пухнет и пухнет в кадушке тесто
и отраженья навывлет в рамах
пачкает киноварь

я вырастаю не кем посеян
новым придурочным Одиссеем
на лилипутской своей Итаке
лишь бы не корм в коня
шрамы, расчёсанные ногтями
ноги, исхоженные лаптями
не забывай меня, Навсикая
не забывай меня

Елене Кацюбе после ее концерта

Окон и дверей
горница полна
распахнул бы все
и опять светло
у тебя слова
у меня вина
и любая речь
это лишь предлог

окон и дверей
полон коридор
заблудиться – нет
потеряться – да

каждый шпингалет
кажется, затвор
и дырой в стекле
каждая звезда

забери, забей
залепи смолой
уезжая всё
не забудь закрыть
горница полна
хлебом и бедой
шарик голубой
некому крутить

ЧИСТОПИСАНИЕ

чем копать жирнее
тем лучше чернила
вот сядем все в белом
напишем, как было
вот сядем вповалку
и под промокашку
закурим куришку
закусим бухашку

как было, что стало
как опер попросит
как дружно орали
«последнюю осень»
«по плану» орали
мол, при коммунизме...
всё было отлично
всё было при жизни

а сели все в белом
по полкам, по веткам
все в красных
учительской ручкой, отметках
но не под копирку
под дёрн, под железо
с клеёнчатой биркой
в стигматах, в разрезах

пята не отмоет
Ассоль не оплачет
читаем другое
считаем без сдачи
и лучик ползёт
это пулей пробита
последняя буква
конец алфавита